

Научно-исследовательская статья

УДК 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.4

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ФОРМЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Устинов О. А.

Культурно-просветительский центр «Дубрава» им. протоиерея Александра Меня,
г. Сергиев Посад, Московская область, Россия,
olustinov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

Аннотация. В статье рассматривается проблема компаративистского анализа философско-антропологических концепций в русской философии советского периода на базе парадигмального подхода. Методологией указанного подхода выступает парадигмальная теория Т. Куна, ключевые методы которой адаптированы к специфике историко-философского исследования. Принимая за основу понятия парадигмы как системы идейно-мировоззренческих и теоретико-методологических оснований научного поиска, являющейся общей для представителей того или иного научного направления, автор разрабатывает идею о наличии в советской философии двух моделей решения проблем человека: религиозно-философской и философско-научной. Если религиозно-философская модель предполагает рассмотрение проблем происхождения человека, определения его сущности, свободы, смысла и назначения жизни в рамках христианской антропологии, то научно-философская модель основывается на строго материалистической интерпретации философско-антропологических проблем с опорой на максимы естественных и социальных наук. В статье выявляются и характеризуются три основные формы сосуществования и взаимодействия адептов двух данных парадигм (отрицание и конфронтация; признание частичной релевантности, переход к диалогу и критическое усвоение ряда альтернативных решений; инициатива о создании третьей парадигмы, синтеза ключевых знаний религии и науки как необходимой предпосылки всестороннего изучения и понимания феномена человека. Высказывается гипотеза о том, что современный уровень отечественной философской антропологии в значительной степени обусловлен тем уровнем, которого достигла советская философская мысль, а также о том, что именно этот уровень может рассматриваться как эвристическая база для разработки проблем целостного знания о человеке в XXI веке.

Ключевые слова: философская антропология, религия, наука, парадигмальная методология, Томас Кун, философско-антропологическая парадигма, материализм, идеализм, марксизм

Для цитирования: Устинов О. А. Антропологические парадигмы в русской философии советского периода: формы сосуществования и взаимодействия // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С. 49–58. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.4

Scientific research

UDC 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.4

**ANTHROPOLOGICAL PARADIGMS
IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE SOVIET PERIOD:
FORMS OF COEXISTENCE AND INTERACTION****Oleg A. Ustinov**

Cultural and Educational Center «Dubrava» named after Archpriest Alexander Men,
Sergiev Posad, Moscow region, Russia,
olustinov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

Abstract. The article deals with the problem of comparativist analysis of philosophical and anthropological concepts in Russian philosophy of the Soviet period on the basis of the paradigmatic approach. The methodology of this approach is the paradigm theory of T. Kuhn, the key methods of which are adapted to the specifics of historical and philosophical research. Taking as a basis the notion of paradigm as a system of ideological and worldview and theoretical and methodological foundations of scientific research, which is common for representatives of a particular scientific direction, the author develops the idea that there are two models of solving human problems in Soviet philosophy: religious-philosophical and philosophical-scientific. Whereas the religious-philosophical model implies the consideration of the problems of the origin of man, the definition of his essence, freedom, meaning and purpose of life within the framework of Christian anthropology, the scientific-philosophical model is based on a strictly materialistic interpretation of philosophical-anthropological problems with reliance on the maxims of natural and social sciences. The article identifies and characterizes three main forms of coexistence and interaction between the adherents of the two paradigms (denial and confrontation; recognition of partial relevance, transition to dialogue and critical assimilation of a number of alternative solutions; the initiative to create a «third paradigm», synthesis of key knowledge of religion and science as a prerequisite for a comprehensive study and understanding of the human phenomenon. It is hypothesised that the current level of Russian philosophical anthropology is largely conditioned by the level reached by Soviet philosophical thought, and that this level can be regarded as a heuristic basis for the development of problems of holistic knowledge of man in the 21st century.

Keywords: philosophical anthropology, religion, science, paradigmatic methodology, Thomas Kuhn, philosophical and anthropological paradigm, materialism, idealism, marxism

For citation: Ustinov, O. A. Anthropological paradigms in russian philosophy of the soviet period: forms of coexistence and interaction. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (47), 49–58. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.47.3.4>

Введение

Принято считать, что идейное своеобразие русских традиций философствования с самого начала определялось особым вниманием русских мыслителей к проблемам философско-антропологического характера. Большинство из русских мыслителей либо специально посвящали свои труды научному анализу феномена человека, либо рассматривали его в контексте более общих работ. Впоследствии именно эти исследования послужили основой для формирования и развития философской антропологии в нашей стране.

Для историко-философского анализа философских проблем человека все чаще используется такая методологическая категория, как антропологическая парадигма, восходящая к парадигмальной методологии Т. Куна и широко применяемая практически во всех сферах современного научного знания [Аксенов, 2022, с. 72–82; Яковлев, Пчелко-Толстова, Андреев, 2021, с. 213–219; Anand, Larson, Mahoney, 2020, p. 1650–1657; Jabko, Schmidt, 2021, p. 565–572, Grim, Kavner, Shatkin, Trivedi, 2021, p. 301–325; Laszlo 2021, p. 328; Sciortino L., 2021, p. 128–137; Fish W., 2021, p. 23–42].

Понятие «антропологическая парадигма» означает систему методологических, идейно-теоретических и ценностных установок и схем, являющуюся для философов того или иного направления общим образцом решения философско-антропологических проблем, в рамках которого частное мнение не выходит за рамки конвенциональных мировоззренческих границ.

Применительно к отечественной философии правомерно говорить о религиозно-философской и философско-научной антропологических парадигмах [Бабинцев, Кривенко, 2011, с. 30–43; Устинов, 2022, с. 343].

Основанная на представлении о человеке как создании Божьем, религиозно-философская парадигма предполагает рассмотрение проблем происхождения человека, определения его сущности, свободы, смысла и назначения жизни в рамках христианской антропологии. Научно-философская парадигма основана на строго материалистической интерпретации всего комплекса философско-антропологических проблем с обязательной опорой на максимумы естественных и социальных наук. Человек представлен в ней как разумный и самостоятельный практически-деятельный субъект истории.

Данные модели, естественно, не исчерпывают всего богатства и разнообразия философско-антропологической мысли, представляя собой в достаточной степени упрощенные исследовательские модели. Однако парадигмальный подход к анализу проблем человека позволяет определить базовый модус и логику эволюции каждой рассматриваемой концепции, дав характеристику ее ценностно-мировоззренческих констант.

Методология исследования

Методологическая база компаративистского анализа антропологических парадигм в русской философии советского периода может быть образована сочетанием методов историко-философского анализа, восходящих к парадигмальной методологии Т. Куна, а именно метода дисциплинарной матрицы, парадигмально-генетического и парадигмально-перестроечного методов. Данные методы по своей сути представляют классические философские методы. Присоединение к ним слова «парадигмальный» преследует целью лишь подчеркнуть их использование внутри специфического проблемно-тематического поля, в центре которого изучение образования и видоизменения парадигмы как главного предмета исследования.

Постановка проблемы

Философско-антропологическая мысль как часть русской философии отсчитывает свою историю с XI века. Чрезвычайно насыщенная и драматическая, она достигла своего зенита только в XX веке, сформировавшись как целостный интеллектуальный феномен, без которого невозможно представить отечественную культуру. С этой точки зрения XX век, связанный с русской философией советского периода, значит не только не меньше, но в известной степени и больше, чем все предшествующие столетия, поскольку именно в это время произошла институционализация философской антропологии как самостоятельной науки.

Дихотомия философских концепций, сводившаяся в конечном итоге к вопросу о реальности или иллюзорности метафизической основы бытия, была осознана как серьезная проблема еще в XIX веке. Неслучайно все противники сверхнатурального идентифицировали себя как новый идейный лагерь. Четкого деления разницы между словами «материалист», «атеист», «позитивист», «реалист» не проводилось. Главным было противопоставление религии и науки в познании феномена человека. В этот же период была выдвинута инициатива о создании некоего синтеза между двумя базовыми парадигмами (А. И. Галич, Н. И. Кареев), данные религии и науки должны были быть объединены в рамках третьей, целостной парадигмы. Поиск этого третьего направления и стал одним из основных латентных импульсов эволюции философского процесса в России в XX веке.

Результаты исследования

Компаративистский историко-философский анализ философско-антропологических концепций разных авторов позволяет выявить три ключевых типа или формы соотношения между ними.

Отрицание с жестким и устойчивым отторжением альтернативных решений проблем человека является первым типом взаимодействия, свойственным, как правило, самым консервативным представителям мыслителей обоих направлений.

Символом этого идейно-теоретического антагонизма между двумя парадигмами стало издание еще в начале XX века в ответ на сборник статей ведущих мыслителей религиозно-философского направления С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, П. В. Струве и других «Проблемы идеализма» (1902) аналогичного сборника теоретиков марксизма «Очерки реалистического мировоззрения» (1904), в который вошли работы А. А. Богданова, В. А. Базарова, А. В. Луначарского и других.

Тенденция к взаимному отрицанию и конфликту в обоих случаях питалась горячей убежденностью в том, что оппоненты излагают в корне неверный и потенциально опасный для развития не только науки, но и общества взгляд на реальные принципы организации универсума с последующей его экстраполяцией на все остальные аспекты бытия.

После революции 1917 года, несмотря на четко сформулированное новым правительством негативное отношение к старой профессуре как представителям эксплуататорских классов, русские религиозные философы еще могли высказывать свою позицию, публиковать свои произведения, выпускались периодические издания (журналы «Свободные голоса», «Мысль») и создавать независимые от власти философские сообщества, самыми известными среди которых были Вольная академия духовной культуры и Вольная философская ассоциация в Москве и Петрограде.

Часть из них даже рассчитывала занять определенное место в перестраиваемой системе философского знания. В советской печати появлялись в этот период отзывы партийных теоретиков на книги сторонников идеалистической антропологии, в которых тем не менее доминирующим был призыв о прекращении дискуссии с носителями откровенно спекулятивных, реакционных теорий, которые «прямохоньким путем» ведут неподготовленного читателя «к господину богу с седой бородою».

Однако в 1930 году полулегальное существование идеалистической антропологии вступило в противоречие с набирающей все большую силу авторитарной линией в науке, являвшейся органической частью партийно-государственного курса на монополию мысли («узды пролетарской диктатуры»). Мрачным предзнаменованием надвигающихся репрессий был арест А. Ф. Лосева, работа которого «Диалектика мифа» обсуждалась непосредственно на XVI съезде ВКП (б). Автор был назван черносотенцем и лишним элементом нового общества, который подлежит ликвидации. На съезде говорили, пусть и иронически, о необходимости физической расправы над А. Ф. Лосевым.

С начала 1930-х годов и до 1956 года легальное издание каких-либо текстов с изложением даже в самом завуалированном виде идей христианской антропологии в СССР прекратилось. Вполне естественно, что и А. Ф. Лосев сохранял

на протяжении всей жизни резко критическое отношение к идеям социализма и марксизма, которое было свойственно многим философам-идеалистам, оказавшимися в науке на положении маргиналов.

Для второго типа взаимодействия между адептами антропологических парадигм был характерен прогрессирующий интерес определенной части и тех и других к научным изысканиям оппонентов. Чрезвычайно важным было осознание философами-немарксистами изъянов религиозно-философской модели, не позволяющих выполнить всесторонний анализ таких проблем, как происхождение человека, его социально-биологическая сущность, продолжая утверждать, что религия и религиозная философия не могут иметь точек соприкосновения с материалистическим учением, в то время как отрицать очевидную валидность данных науки было уже бессмысленно. Философы-материалисты, в свою очередь, вынуждены были признать, что исключительная фиксация их исследований на приоритете материального над духовным лишила их возможности дать объективную оценку значения в объяснении феномена человека такой ее основы, как духовность, вся ценностная сфера, так или иначе, но сделали шаг в сторону идеалистической антропологии.

Наиболее ярким примером реализации этой формы сосуществования парадигм было возникновение феномена мыслителей фронтального типа из числа «ищущих марксистов», которые в процессе критического осмысления философии К. Маркса в ее сопоставлении с философией идеализма фактически перешли в противоположный лагерь (Г. С. Батищев, М. К. Мамардашвили, А. С. Арсеньев и др.). Неслучайным в академических дискуссиях было появление призывов поменять Маркса на Бердяева. В сопоставлении феноменов макрокосма и микрокосма ими угадывалось присутствие некоего высшего разума, без которого невозможно получить ответы на вопросы о происхождении и устройстве мира, общества и человека. Г. С. Батищев вводил в научный оборот термин «универсум», под которым имел в виду Бога, но рассчитывал, что непосвященная подцензурная аудитория примет его за материальную характеристику мироздания (макркосм), внутри которого человек является носителем сознания как высшей формы развития материи (микрокосм). Но и в этом случае марксистская терминология неизменно сохранялась, и не только из-за опасений идеологических проблем.

Следует подчеркнуть, что даже для тех «ищущих марксистов», которые пережили духовное потрясение, признав ограниченность научно-философской парадигмы, и фактически начали разговор о необходимости пересмотра прежних мировоззренческих и теоретико-методологических границ, полный отказ от философских достижений марксизма был невозможен. Никто из них не сомневался в релевантности, например, социокультурной сущности сознания в Марксовой интерпретации.

Аналогичным, но направленным, с другой стороны, было движение в сторону материализма и ряда философов-идеалистов (М. М. Бахтин, И. Д. Левин, Б. Д. Дандарон, А. В. Мень), пришедших к выводу о необходимости дополнения

данных религии данными науки и кооптировавших в свои антропологические концепции ряд марксистских идей, в частности в сфере дарвиновского понимания антропогенеза.

Главным требованием для данной формы было частичное усвоение тех или иных идей лишь в том случае, если они не затрагивали существа базовых положений парадигмы и логически не требовали их пересмотра.

Синтезирование двух парадигмальных подходов к решению философских проблем человека в той или иной степени объединения их глубинных мировоззренческих основ, следующих за заявлениями о принципиальной близости религии и науки, в ряде исключительных случаев позволяло говорить о зарождении некоей третьей формы взаимодействия антропологических моделей. Сторонники этого интеллектуального поворота (К. С. Малевич, Б. В. Раушенбах, В. В. Налимов) полагали, что религия и наука прошли через этап конфронтации и движутся к пониманию единства цели — познания феномена человека — при разнице исходных идейно-теоретических оснований и методов. Показательным было здесь указание на то, что тайна человеческого сознания слишком сложна, чтобы ее разрешили либо религия, либо наука по отдельности, тогда как ключ к нему может быть найден только при объединении их усилий. По сути, попытка поиска третьего пути теоретически выростала из второй формы взаимодействия парадигм, но так и осталась маргинальной. Принимать идею синтеза религии и науки дальше, политкорректного признания о том, что сотрудничество лучше конфронтации, академическое сообщество даже в период поздней перестройки не собиралось. Подспудный антагонизм между материалистами и идеалистами продолжал определять атмосферу даже самых свободных от прежнего идеологического прессинга аудиторий. Академическое сообщество неукоснительно соблюдало принцип разделения религии и науки как обязательный для объективного научного поиска. Так, в частности, не рассматривалась возможность введения в научный оборот такой категории, как душа. С подобными предложениями также могли выступать единицы (А. Д. Сахаров), но в частных беседах. В научных публикациях эту инициативу нельзя было обнаружить. Предложения о создании целостного знания о человеке на основе дальнейшего осмысления и усвоения всех имеющихся философско-антропологических решений в истории так и осталась благим пожеланием. Инициатива синтеза религии и науки реализована не была.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что именно в советский период были сделаны серьезные шаги в сторону создания некоего целостного философско-антропологического синтеза. Диалог парадигм был временно остановлен событиями 1991 года и продолжился уже на принципиально новой исследовательской базе в условиях политической и научной

свободы. Конечно, в советской философии переориентация академических исследований на радикально новое сочетание марксистских и немарксистских учений не могло быть претворено в жизнь в связи с сохранявшимся статусом марксизма как ведущей философской теории. Но завоеванием этого периода в истории России стало осознание большинством ученых не только этической, но и гносеологической ценности внимания к результатам работ адептов обеих парадигм. Современный уровень отечественной философской антропологии в значительной степени обусловлен тем уровнем, которого достигла именно советская философская мысль. И этот же уровень является до сих пор ценной эвристической базой для разработки синтезированной философско-антропологической парадигмы, дискуссия о которой продолжается [Бирич, 2003, с. 272; Гусейнов, 2010, с. 4–10].

Список источников

1. Аксенов Г. П. Идея времени и научная картина мира // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 72–82. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-4-72-82>
2. Яковлев А. А., Пчелко-Толстова Е. А., Андреев Г. П. О конкуренции научных и технических парадигм в условиях идеологического контроля науки // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 213–219. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-12-213-219>
3. Anand G., Larson E.C., Mahoney J. T. Thomas Kuhn on Paradigms // Production and Operations Management. 2020. Vol. 29 (7). P. 1650–1657. DOI: 10.1111/poms.13188
4. Jabko N., Schmidt S. Paradigms and Practice // International Studies Quarterly. 2021. Vol. 65 (3). P. 565–572. DOI: 10.1093/isq/sqab028
5. Grim P., Kavner J., Shatkin L., Trivedi M. Philosophy of science, network theory and conceptual change: Paradigm shifts as information cascades [Электронный ресурс] // Complex Systems in the Social and Behavioral Sciences: Theory, Method and Application. East Lansing: University of Michigan Press, 2021. P. 301–325. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85114149711&partnerID=40&md5=2c0cf45ce78b6254d06a1d1c5d44b74f>
6. Laszlo E. Introduction to systems philosophy: Toward a new paradigm of contemporary thought. London: Routledge Revivals, 2021. 356 p. DOI: 10.4324/9781003205586
7. Sciortino L. The emergence of objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking // Studies in History and Philosophy of Science. 2021. Vol. 88. P. 128–137. DOI: 10.1016/j.shpsa.2021.06.005
8. Fish W. Perceptual Paradigms // Purpose and Procedure in Philosophy of Perception. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 23–42. DOI: 10.1093/oso/9780198853534.003.0002
9. Бабинцев В. П., Кривенко О. А. Понятие религиозно-философской и философско-научной антропологических парадигм в русской философии [Электронный ресурс] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 8 (103). Вып. 16. С. 30–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-religiozno-filosofskoy-i-filosofsko-nauchnoy-antropologicheskikh-paradigm-v-russkoy-filosofii>
10. Устинов О. А. Антропологические парадигмы в русской философии советского периода (1917–1991 годы): историко-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук: 5.7.2 — история философии. М., 2022. 343 с. URL: <https://www.mgpu.ru/wp-content/uploads/2022/06/Ustinov-OA-Dissertatsiya.pdf>

11. Бирич И. А. Философская антропология и образование: (на путях к новому педагогическому сознанию). М.: Жизнь и Мысль, 2003. 272 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002354262>
12. Гусейнов А. А. Философия между религией и наукой [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2010. № 8. С.4–10. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=181&Itemid=52

References

1. Aksenov, G. P. (2022). Ideia vremeni i nauchnaia kartina mira [The idea of time and the scientific picture of the world]. *Questions of philosophy*, 4, 72–82. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-4-72-82>
2. Iakovlev, A. A., Pchelko-Tolstova, E. A., & Andreev G. P. (2021). O konkurentсии nauchnykh i tekhnicheskikh paradigm v usloviakh ideologicheskogo kontrolya nauki [On the competition of scientific and technical paradigms in the conditions of ideological control of science]. *Questions of philosophy*, 12, 213–219. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-12-213-219>
3. Anand, G., Larson, E.C., & Mahoney, J. T. (2020) Thomas Kuhn on Paradigms. *Production and Operations Management*, 29 (7), 1650–1657. DOI: 10.1111/poms.13188
4. Jabko, N., & Schmidt, S. (2021) Paradigms and Practice. *International Studies Quarterly*, 65 (3), 565–572. DOI: 10.1093/isq/sqab028
5. Grim, P., Kavner, J., Shatkin, L., & Trivedi, M. (2021). *Philosophy of science, network theory and conceptual change: Paradigm shifts as information cascades. Complex Systems in the Social and Behavioral Sciences: Theory, Method and Application*. East Lansing: University of Michigan Press, P. 301–325. Retrieved from <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85114149711&partnerID=40&md5=2c0cf45ce78b6254d06a1d1c5d44b74f>
6. Laszlo, E. (2021). *Introduction to systems philosophy: Toward a new paradigm of contemporary thought*. London: Routledge Revivals. 356 p. DOI: 10.4324/9781003205586
7. Sciortino, L. (2021). The emergence of objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking. *Studies in History and Philosophy of Science*, 88, 128–137. DOI: 10.1016/j.shpsa.2021.06.005
8. Fish, W. (2021). *Perceptual Paradigms. Purpose and Procedure in Philosophy of Perception*. Oxford: Oxford University Press. P. 23–42. DOI: 10.1093/oso/9780198853534.003.0002
9. Babintsev, V. P., & Krivenko, O. A. (2011). Poniatie religiozno-filosofskoi i filosofsko-nauchnoi antropologicheskikh paradigm v russkoi filosofii [The concept of religious-philosophical and philosophical-scientific anthropological paradigms in Russian philosophy]. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology*, 8 (103), 16, 30–43. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-religiozno-filosofskoy-i-filosofsko-nauchnoy-antropologicheskikh-paradigm-v-russkoy-filosofii>
10. Ustinov, O. A. (2022). Antropologicheskie paradigmy v russkoi filosofii sovetskogo perioda (1917–1991 gody): istoriko-filosofskii analiz [Anthropological Paradigms in Russian Philosophy of the Soviet Period (1917–1991 years): Historical and Philosophical Analysis]. Doctoral Dissertation of Philosophical Sciences: 5.7.2 — History of Philosophy. Moscow. 343 p.(In Russian). Retrieved from <https://www.mgpu.ru/wp-content/uploads/2022/06/Ustinov-OA-Dissertatsiya.pdf>
11. Birich, I. A. (2003). *Filosofskaia antropologiya i obrazovanie: (na putiakh k novomu pedagogicheskomu soznaniyu) [Philosophical anthropology and education: (on the way to a new pedagogical consciousness)]*. Moscow: Life and Thought. 272 p. (In Russian). Retrieved from <https://search.rsl.ru/ru/record/01002354262>

12. Guseinov, A. A. (2010). *Filosofiiia mezhdru religiei i naukoï* [Philosophy between religion and science]. *Questions of philosophy*, 8, 4–10. (In Russian). URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=181&Itemid=52

Информация об авторе / Information about the author:

Устинов Олег Александрович — доктор философских наук, руководитель литературно-драматической части, культурно-просветительский центр «Дубрава» имени протоиерея Александра Меня, г. Сергиев Посад, Московская область, Россия.

Ustinov Oleg Aleksandrovich — Dr. Sci. (Philosophy), head of the literary and dramatic part of the Cultural and Educational Center «Dubrava» named after Archpriest Alexander Men, Sergiev Posad, Moscow region, Russia.

olustinov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>